

УДК 340.115.3

## Феномен права в контексте аксиологической методологии

**Андринатьева Оксана Владимировна**

Адъюнкт, старший преподаватель,  
кафедра административной деятельности,  
Донецкая академия внутренних дел МВД Донецкой Народной Республики,  
283050, Донецк, пр-т Б. Хмельницкого, 84;  
e-mail: ksusha\_051986@mail.ru

### Аннотация

Статья посвящена обоснованию ценностной природы и сущности права, определению ценностной структуры правовой реальности как «аксиосферы» и аксиологии как имманентной праву методологии его (права) познания, описания и понимания. Предложено толкование аксиологии как адекватной природе и сущности права гносеологической эвристики, позволяющей раскрыть истоки и структуру правовой реальности как систему абсолютных и конкретно-исторических ценностей культуры, где право, в соответствии с его ценностной сущностью, выполняет регулятивную, телеологическую (ценностно-ориентационную), интеграционную и мировоззренческую функции. Активируется воздействие права на становление системы ценностей правовой личности, а также раскрываются возможности правовой аксиологии в интерпретации самого содержания личностной системы ценностей индивида.

### Для цитирования в научных исследованиях

Андринатьева О.В. Феномен права в контексте аксиологической методологии // Вопросы российского и международного права. 2016. Том 6. № 12А. С. 41-51.

### Ключевые слова

Право, аксиология, ценности, методология познания, аксиология права, теория ценностей.

## Введение

За последние «постмарксистские» тридцать лет развития современного отечественного социально-гуманитарного знания практически утвердилась мысль о важности ценностного подхода и вообще категории «ценность» в контексте познания, описания и понимания

социального бытия как сферы человеческой жизни во всех ее проявлениях. Это связано в первую очередь с той методологической переориентацией обществоведческих и социально-гуманитарных исследований, которая происходит за счет как углубления самого предмета познания, так и включения в его контекст принципиально новых познавательных ресурсов, нетрадиционных для прошлого, марксистски детерминированного дискурса. Речь идет об «аксиологической переориентации» предметного поля социально-гуманитарных исследований, а также все большем и большем углублении исследовательского интереса к собственно аксиологической методологии в качестве имманентного способа познания и понимания социального бытия.

Ушло в прошлое убеждение, что проблема ценностей представляет собой мнимую проблему [Дробницкий, 1967, 351]. Ныне ценностная проблематика активно и настойчиво осваивается отечественными специалистами в различных областях социально-гуманитарного знания: философии, социологии, психологии, культурологии, правознании – сравнительном правоведении, правовой антропологии и персонологии, теории права и специальных отраслях правоведения. Здесь следует указать на исследования В.Г. Графского, В.А. Артемова, Д.А. Керимова, Г.В. Мальцева, В.С. Нерсисянца, М.Ф. Орзиха, В.П. Сальникова, А.П. Семитко, В.Н. Файкулина, А.Ф. Черданцева, Е.В. Черных. Особо следует отметить работы А.Н. Бабенко, посвященные как общетеоретическим аспектам проблемы правовых ценностей, так и их феноменологии в различных областях юриспруденции [Бабенко. Правовые ценности. Вопросы теории, 2001, 116; Бабенко. К вопросу о ценностных критериях в праве, 2001, 5-13; Бабенко. Ценности в государственно правовом измерении, 2010; Бабенко. Аксиологический подход в системе методов изучения права, 2011, 40-47].

Вместе с тем по сей день остается актуальным вопрос о перспективах и результатах введения аксиологии и в сферу правознания. Однако прежде чем мы предложим свой взгляд по данному вопросу, для начала рассмотрим общие проблемы теории ценностей.

### **Общие проблемы теории ценностей. Ценностная природа и сущность права**

Как известно, в западной культуре всплеск профессионального интереса к аксиологии уже прошел, и она прочно заняла место в системе теоретической философии, придав прикладным областям метафизической рефлексии относительно организации экономической, политической, правовой жизни общества и культуры в целом надежные методологические основания. И здесь прежде всего следует указать на работы философов-юристов, заложивших основы аксиологии права в западной философской традиции. Это неокантианец В. Виндельбанд, представитель исторической школы прав К. Савиньи, представители позитивистской и прагматистской традиции О. Холмс, Р. Паунд, Г. Кельзен, Р. Иеринг. Иное дело было с аксиологией в бывшем Советском Союзе, где аксиологию постигла судьба

семиотики и прагматики. Фактический запрет на разработку проблем общей теории ценностей позволял лишь осуществлять редкие «вкрапления» ценностей проблематики в контекст исторического и диалектического материализма. Тем не менее уже тогда делался вывод, что категория «ценность» должна и может трактоваться как минимум в трех измерениях: в аспекте социокультурного понятия, описывающего объективные характеристики социальной реальности; в аспекте психологическом, в качестве intersubjectivного, коммуникативного феномена; в аспекте эпистемологической категории, претендующей на свое прагматическое и, главное, методологическое использование [Тугаринов, 1984].

Уже эта установленная многомерность понятия «ценность», даже при весьма ограниченных конституируемых возможностях ее использования в философии марксизма, давала основание утверждать, что понятие «ценность» концентрирует в своем содержании одно и весьма существенное обстоятельство: при возможности указать единственный и универсальный гносеологический контекст, в рамках которого можно было бы сформулировать и решить проблему ценности, основополагающим остается то, что в любом аспекте размышлений о ценностях речь идет о человеческих ценностях. Иначе говоря, то, что называется ценностями, имеет отношение к человеку и его жизнедеятельности. Именно в ней ценности возникают, конституируются, функционируют, именно они отличают человека от животного, делая его социальным существом, обеспечивают человека жизненными ориентирами, определяют жизненно важные цели деятельности и в конечном итоге придают человеческой жизни определенный смысл.

Прошло более четверти века, и мы имеем совсем иной взгляд на место и роль аксиологии в качестве концептуально разработанной методологии познания социального мира как мира культуры, в том числе и такого ее основополагающего фундаментального компонента, каковым выступает сфера правового бытия человека. «Современный этап развития правовой сферы в России, – пишет современный российский теоретик права А.Н. Бабенко, – характеризуется серьезным изменением ценностных ориентиров, которые касаются места человека в системе правоотношений, защиты его насущных прав и свобод. Мир права должен быть «взвешен» ценностями для определения в нем места человека и познания и придания этому миру подлинно гуманного, человеческого смысла. Важно использовать для разрешения проблем аксиосферы права новые, нестандартные решения, а также мощный потенциал правокультурных и социокультурных факторов в их ценностном измерении» [Бабенко, 2002, 3-4].

И если это суждение взять в качестве исходного принципа понимания всего того, что описывается понятием «право», то каково место аксиологической методологии в разворачивании процесса познания сути права и его феноменологии? А также каковы способы введения ценностных предпосылок в познание права в качестве имманентного условия для «взвешивания» мира права и определения в нем места человека и познания, о чем пишет А.Н. Бабенко.

Как известно, методология – это теория организации познавательного процесса. Это некоторая логика описания, объяснения и понимания (смыслообразования) предмета исследования. А если «аксиологическая методология в юриспруденции имеет конечной целью выяснение сущности, природы и оснований права» [Там же, 12], то, используя данную логику в качестве методологического принципа исследования, мы через анализ природы и сущности права попытаемся прояснить его (права) ценностную природу и тем самым установим факт необходимости объективного введения аксиологии в качестве методологии исследования сферы права.

Во множестве определений права, которые в большом количестве представлены в словарях, популярной и специальной юридической литературе, мы сталкиваемся в большинстве случаев с взаимодополняющими или взаимоисключающими определениями. В современных дискуссиях об онтологии права сталкиваются, пожалуй, две позиции. Первая представлена позитивистской научной методологией, выводящей за «скобки» антропологические основания прояснения природы права. Вторая позиция представлена, собственно, аксиологической (даже если она так и не определяется авторами) методологией.

Так, если мы, скажем, как приверженцы правового позитивизма, станем на позицию научного мировоззрения с его критериями объективности знания, опытной практической верификацией выдвигаемых положений, доминированием в построении концепции «суждений факта», а не «суждений ценности» (оценки), иначе говоря, всем тем методологическим инструментарием, который стоит на вооружении позитивного права, то нам, как мы полагаем, понять многое в сущности права не удастся. Возможно, именно это обстоятельство привело в свое время к тому, что самостоятельная (предметная) проблема, связанная с выявлением природы и сущности права в «позитивном» праве, оказалась подмененной позитивистскими доказательствами ее эфемерности, а содержание проблемы, в свою очередь, оказалось растворенным в эмпирических фактах правовой практики законодательства, законоприменения. Иначе говоря, произошло то, о чем предупреждал в начале XX века Е. Спекторский, размышляя о предмете права в контексте решения «труднейших вопросов теории познания» [Спекторский, 1913, 82].

Полагаем, что позитивистская гносеология сводится к описанию и объяснению феноменов права, т.е. тем гносеологическим процедурам, которые не выводят к постижению главного – выявлению смысла права, за которым просматривается проблема понимания идеи права как универсальной ценности культуры. А то, что смысл и идея права суть структурообразующие признаки права, вне которых дать определение понятию права нам представляется невозможным, вытекает из специфики права как результата человеческой деятельности, которая всегда есть деятельность телеономная (телеос – цель, номос – закон), а значит, деятельность человека, преследующего свои цели, выраженные в форме неких идеальных конструкций – идеалов, норм, императивов, табу.

Мы убеждены, что право, как и мораль, и нравственность, принадлежит к тем краеугольным основаниям человеческой коммуникации, которые иначе как элементами социальной технологии и не назовешь. Говоря метафорически, если государство, различные социальные общности (этнические, религиозные, профессиональные и т.п.) людей, специальные институты представляют собой элементы структуры общественной жизни, а различные отношения – хозяйственно-экономические, политические, мировоззренческо-идеологические – можно уподобить «кровеносным сосудам», связывающим в единое целое структуру и отношения, образуя тем самым систему общественного бытия, то нравственность, мораль и право мы олицетворяем с компонентами социальной «программы», задающей логику развития всей системы, точно так же, как генетическая программа, передаваемая по каналам наследственной памяти, задает логику развития человеческого организма.

Социальный мир – это мир «второй природы», т.е. мир культуры, логика развития которого детерминирована активной, целеполагающей и целенаправленной деятельностью человека как рода и индивида. В основе такой деятельности лежит врожденное свойство человека – оценка. Эта эволюционно-исторически сформировавшаяся способность человека осваивать противостоящую ему реальность через акт оценивания определяет изначально его способ понимания природного и социального мира, а также способ его действия в нем. В практике, где оценка и познание слиты, освоение действительности начинается способом вычленения значимых объектов реальности с целью удовлетворения потребностей. Именно с оценки, а не с «чистого познания», начинается практическая деятельность человека. [Гребеньков, Нечитайло, 1992, 43-61]. Таким образом, становится ясным, что все сферы и виды человеческой деятельности исходно опосредованы оценкой, т.е. именно тем психологическим феноменом, который изначально определяет «выборочный» подход человека к окружающей его реальности. И, следовательно, именно он опосредует телеономное отношение человека к бытию и телеологическое (целевое) его отражение в психике. «Телеологически оценивать объект – это значит выявлять не только его естественные свойства, а расценивать его таким или не таким с точки зрения критерия «должного быть», т.е. судить о нем с точки зрения соответствия должному» [Там же, 59].

Это субъект-объектное отношение переживается, осмысливается как особое свойство объекта, значимое для индивида, иначе говоря, как ценность. Исходя из этого, мы считаем, что все продукты и результаты человеческой социальной деятельности (культура) представляют собой ценности, а среда общественного бытия является ценностно-смысловой реальностью, неким «аксиологическим полем», «аксиосферой» (М. Каган) бытия человека, самостоятельно творящего определенные правила и нормы, принципы и схемы, объясняющие и дающие понять мир, упорядочивающие и иерархизирующие самим человеком создаваемую реальность. Возникающие идеальные структуры представляли собой иерархическую систему символов как единство идеальных образов и понятийно-смысловых структур, выполняющих регулятивную, мотивационную, генерализирующую разнообразный

человеческий опыт функции по отношению к человеческой совместной жизнедеятельности. Конститутивно представленные, они приобретали символическое бытие и на языке понятий обозначались в терминах «добро» и «зло», «долг» и «ответственность», «вина» и «наказание», «справедливость» и «равенство». Иначе говоря, логика становления человеческой социальной жизни естественно порождает ту реальность, которая, наряду с нравственной, моральной, обретала контуры реальной правовой сферы бытия.

Введение в контекст методологических и мировоззренческих проблем правового знания категории «правовая сфера бытия» или «правовая реальность» дает нам основание рассматривать право не просто в качестве производного, «вторичного» от хозяйственно-экономических отношений аспекта общества, а как особую область, со своей логикой, целями и задачами развития и функционирования. «Смысл проблемы правовой реальности заключается в выяснении, что есть право и как оно есть», – пишет современный исследователь права С. Максимов. «Главной здесь оказывается проблема бытия права, – продолжает он, – включающая вопрос о его онтологических основаниях, т.е. о его укорененности в человеческом бытии. При этом следует учитывать специфичность онтологии права, поскольку бытие права – это особый модус бытия – "бытие-долженствование". Таким образом, реальность права устанавливается не в качестве факта, а в силу его значимости для человека» [Максимов, 2002, 149]. Иначе говоря, его ценности.

Все наши размышления сводятся к следующему: мы фиксируем ценностную (аксиологическую) природу права, опосредованную, в свою очередь, природой человека, его способностью к оценке и «суждениям ценности», характером его отношения к реальности и спецификой ее организации в свое бытие как систему ценностей. И если это так, то какова та эпистемологическая конструкция, которая позволяет дать аутентичное специфике предмета исследования – в нашем случае права – знание?

Думается, что в настоящее время в своей классической форме кантовскую постановку проблемы соотношения ценностей и познания как диалектики практического и теоретического разума можно считать уже преодоленной, так как изменилось само определение практического и теоретического разума, а понимание ценностей вышло за пределы толкования их как норм морали. Общеизвестным фактом стало суждение о единстве рационального и ценностного аспектов в едином акте познания, причем за ценностным аспектом стал признаваться не только предуровень теоретико-познавательного подхода, а самостоятельный, со свойственной ему спецификой отражения бытия метод его познания [Каган, 1997, 25]. Это значит, что если научное знание имеет своим способом постижения реальности теоретико-познавательный подход, а на «выходе» – знание о фактуальном, обязательно экспериментально верифицируемом, объективном, то философское познание как учение о человеке, его месте в мире и отношениях, складывающихся между людьми по поводу объектов реальности и друг с другом, имеет своим способом познания теоретико-ценностный (аксиологический) подход, дающий знания о предметах не в категориях



их фактического бытия, а в категориях цели и ценности, где объект реальности противостоит субъекту не как предмет «в себе», а как предмет «для меня», т.е. находящийся в ценностном отношении к человеку.

Познавая «первую природу», исследователь должен, прежде всего, объяснить ход природных явлений. Эта же задача стоит и перед исследователем социального мира как мира «второй природы» (культуры и истории) – продукта телеономной человеческой практики. Социальные явления представляют собой не природные явления, а события, сотворенные людьми, которые в своей деятельности руководствовались целями и потребностями, находящимися в отношении значимости с объектами, вызвавшими к жизни данные потребности и цели. Иначе говоря, в мире социальности господствуют не жесткие каузальные зависимости, характеризующие логику и содержание развития природного мира, а значимостные связи и отношения, детерминируемые субъективными и intersубъективными предпочтениями, характер проявления которых может быть только вероятностным и проявляться только как тенденция. А это значит, что в человеческом бытии господствуют вероятные закономерности, суть которых может быть понята не столько из анализа объективно складывающейся логики организации хозяйственной деятельности и способа производства, сколько из анализа значимостных связей, получивших в гуманитарном знании определение ценностей. В результате перед исследователем культуры в целом и права как аспекта культуры стоит задача по выявлению, интерпретации и пониманию тех ценностей, которые реально движут поведением как отдельных индивидов, так и масс людей в выборе тех или иных предметов, идей, способов организации совместной жизнедеятельности и индивидуального образа жизни в качестве ценностей.

Из сказанного следует, что, принадлежа к результатам социальной человеческой практики, право предстает как ценностный по своей природе феномен бытия и, следовательно, описывается через все присущие природе ценности элементы ее (ценности) структуры: определение объективного значения, которое, вероятнее всего, выражается в трансисторическом опыте освоения человеком, преследующим свои цели мира, и определение смысла, который есть intersубъективное и intersубъективное отношение человека к объектам этого мира как ценностям, т.е. культуре.

Исходя из этого суждения, исследование права (правовой реальности и правовых феноменов) на сущностном уровне как аксиологического по своей природе социального образования должно осуществляться прежде всего на основе теоретико-ценностного подхода, с последующим привлечением формально-логических методов исследования, диалектического и феноменологического методов, включая, разумеется, и методы юридической и философской герменевтики. Таково, на наш взгляд, одно из условий понимания и прогнозирования действительного поведения людей не как «факторов» и «агентов» способов производства, а как личностей, строящих свое бытие в качестве жизненного мира в соответствии со своим мировоззрением, традициями, коллективными архетипами, идеалами, концепциями.

Можно утверждать, что понимание не дает научно-теоретической истины, ибо истолкование ценностей как значений и смыслов, приобретающих в результате их опредмечивания статус материальных и идеальных структур, не может стать научной истиной. Действительно, истолкование ценностей как значений и смыслов не может быть научным, и в этом, вероятно, заключается ответ на вопрос о причине многозначности определений феномена права. Но это вовсе не означает, что в контекст понимания как гносеологической процедуры, так и способа интерпретации социального бытия не могут входить научно-практические компоненты. Они входят в него как структурные звенья ценностного подхода, подчеркивая тем самым неразрывную связь познавательного и ценностного подходов, но, тем не менее, они не исчерпывают содержание ценностей.

Интерпретация ценностей не может быть «строго» научной [Thelen, 1967, 526], но она глубоко познавательна в практическом и теоретическом аспектах. Итогом ценностного освоения социальной реальности как «аксиосферы» (М. Каган) есть тоже истина, но это праксеологически-мировоззренческая истина. Таковыми по своей природе как раз и являются истины права, где смысл, концептуально развернутый в идею права, представляет собой нечто иное, как некоторое аксиологическое (иерархическое) построение относительно главной задачи, решаемой правом – сохранение, упорядочение, регулирование и направление социального бытия по определенным ценностным и целевым векторам, которые задаются императивно и присутствуют всегда как «должное быть». В этом состоит сущностный смысл права. Иное дело, каково содержание этих ценностей и способ их функционирования? Все эти факторы детерминированы логикой культурно-цивилизационного процесса этносов, наций, их истории в прошлом и настоящем.

### **Заключение**

Представляя так, а не иначе, объективную природу права, которая всегда есть результат человеческой целесообразной и ценностно-ориентированной деятельности, можно утверждать, что праву присущи все признаки ценности. А это означает, что базовым методологическим основанием исследования правовых феноменов является теоретико-ценностный (аксиологический) подход. Таким образом, сфера права должна быть описана, объяснена и понята как «аксиосфера» – система ценностей, всякий раз принимающая вид, во-первых, конкретно исторической системы правовых ценностей (норм, законов, институтов, отношений); во-вторых, личностных поведенческих правовых императивов «должного быть» (закон «внутри меня»); в-третьих, абсолютных ценностей права как принципов организации правовой реальности в качестве культурных универсалий, которые всегда предстают как идеалы – единство должного и сущего (справедливости, равенства, свободы).



## Библиография

1. Бабенко А.Н. К вопросу о ценностных критериях в праве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2001. № 2 (17). С. 5-13.
2. Бабенко А.Н. Правовые ценности. Вопросы теории. М.: Академия управления МВД России, 2001. 116 с.
3. Бабенко А.Н. Правила ценности и их освоение личностью: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 3-4, 12.
4. Бабенко А.Н., Майоров В.И. Ценности в государственно-правовом измерении: монография. Челябинск: ЧелЮИ МВД России, 2010. 173 с.
5. Бабенко А.Н., Мороз Е.Н. Аксиологический подход в системе методов изучения права // Методологические проблемы юридической науки. Челябинск, 2011. С. 40-47.
6. Гребеньков Г.В. Нечитайло В.Н. Аксиомный подход к проблемам человека. Донецк: ДПИ, 1992. 186 с.
7. Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. М.: Политиздат, 1967. С. 351.
8. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
9. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления: монография. Харьков: Право, 2002. 328 с.
10. Спекторский Е. Юриспруденция и философия // Юридический вестник. М., 1913. Книга 2. С. 87-93.
11. Тугаринов В.П. Теория ценностей в марксизме Л.: Издательство ЛГУ, 1966. 124 с.
12. Чавгвадзе Н.З. Культура и ценности. Тбилиси: Мениереба, 1984. 172 с.
13. Thelen H.P. Dastabestandsmessendes Strafrichters, Munchen, 1967. P. 526.

## The phenomenon of law in the context of axiological methodology

**Oksana V. Andrinat'eva**

Postgraduate, Senior Lecturer,  
Department of administrative activities,  
Donetsk Academy of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs  
of the Donetsk People's Republic,  
283050, 84 Khmel'nitskogo av., Donetsk;  
e-mail: ksusha\_051986@mail.ru

**Abstract**

The article is devoted to the justification of the value and essence of law, the determination of the value structure of legal reality as the "axiosphere" and axiology as methodology of the knowledge of the law, its description and understanding. The author proposes interpretation of axiology as adequate to the nature and essence of the law epistemological heuristic that allows to reveal the origins and structure of legal reality as a system of absolute and specific historical values of culture, where law, in accordance with its value entity, performs regulative, teleological (value-orientation), integration and ideological functions. The impact of law on formation of value system of the legal personality is activated, and the possibilities of legal axiology in the interpretation of the content of the personal value system are revealed. Presenting the objective nature of law as the result of human appropriate and value-oriented activities, we can argue that the law bears all the hallmarks of value. This means that the underlying methodological basis for the studies of legal phenomena is a theoretical and evaluative (axiological) approach. Thus, the law should be described, explained and understood as the "axiosphere" – value system, each time taking the form of, first, the specific historical system of legal values (norms, laws, institutions, relations); secondly, the personal, behavioral and legal imperatives "it is supposed to be" (the law "inside of me"); thirdly, the absolute values of law as principles of legal reality as cultural universals, which always appear as ideals –justice, equality, freedom.

**For citation**

Andrinat'eva O.V. (2016) Fenomen prava v kontekste aksiologicheskoi metodologii [The phenomenon of law in the context of axiological methodology]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law]. 6 (12A), pp. 41-51.

**Keywords**

Law, axiology, values, methodology of cognition, axiology of law, theory of values.

**References**

1. Babenko A.N. (2001) K voprosu o tsennostnykh kriteriyakh v prave [To the issue of the value criteria in law]. *Vestnik Vostochno-sibirskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2 (17), pp. 5-13.
2. Babenko A.N. (2002) *Pravila tsennosti i ikh osvoenie lichnost'yu. Dokt. Diss. Abstract* [Rules of value and their mastering by the personality. Doct. Diss. Abstract]. Moscow.
3. Babenko A.N. (2001) *Pravovye tsennosti. Voprosy teorii* [The legal values. The questions of theory]. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

4. Babenko A.N., Maiorov V.I. (2010) *Tsennosti v gosudarstvenno pravovom izmerenii* [Values in the state legal dimension]. Chelyabinsk: Chelyabinsk Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
5. Babenko A.N., Moroz E.N. (2011) Aksiologicheskii podkhod v sisteme metodov izucheniya prava [Axiological approach in the system of methods for study of law]. In: *Metodologicheskie problemy yuridicheskoi nauki* [Methodological problems of legal science]. Chelyabinsk, pp. 40-47.
6. Chavgavadze N.Z. (1984) *Kul'tura i tsennosti* [Culture and values]. Tbilisi: Meniereba Publ.
7. Greben'kov G.V. Nechitailo V.N. (1992) *Aksiomnyi podkhod k problemam cheloveka* [Axiomatic approach to human problems]. Donetsk: Donetsk Polytechnic Institute.
8. Drobnitskii O.G. (1967) *Mir ozhivshikh predmetov. Problema tsennosti i marksistskaya filosofiya* [The world of revive things. The problem of value and Marxian philosophy]. Moscow: Politizdat Publ.
9. Kagan M.S. (1997) *Filosofskaya teoriya tsennosti* [The Philosophical theory of value]. Saint Petersburg: Petropolis Publ..
10. Maksimov S.I. (2002) *Pravovaya real'nost': opyt filosofskogo osmysleniya* [Legal reality: the experience of philosophical understanding]. Khar'kov: Pravo Publ.
11. Spektorskii E. (1913) Yurisprudentsiya i filosofiya [Jurisprudence and philosophy]. In: *Yuridicheskiy vestnik* [Legal Gazette], Book 2. Moscow, pp. 87-93.
12. Thelen H.P. (1967) *Dastabestandsermessendes Strafrichters*, Munchen, p. 526.
13. Tugarinov V.P. (1966) *Teoriya tsennostei v marksizme* [Value theory in Marxism] Leningrad: Publishing house of Leningrad University.